

Дианна К. Салерни

Дом на Перекрёстке полон тайн,
но его проклятие страшнее, чем кажется...

ПРОКЛЯТИЕ ДОМА
НА ПЕРЕКРЁСКЕ

Дианна К. Салерни
Проклятие дома
на Перекрестке
Серия «По ту сторону зеркала.
Фэнтези для подростков»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73919012

Дианна К. Салерни. Проклятие дома на Перекрестке: Эксмо; Москва;

2026

ISBN 978-5-04-246720-2

Аннотация

Двенадцатилетняя Гарнет всегда сожалела, что не знает свою семью – мать упорно избегала родового особняка Карфуров. Когда Гарнет наконец получает приглашение в дом на Перекрестке, она обнаруживает странный мир: загадочные родственники, погруженные в вечные споры, комнаты, где время течёт по-другому, а ещё запретные коридоры, хранящие мрачные секреты.

Оказывается, глава семьи Джаспер Карфур питается чужой силой, чтобы продлить свою жизнь. Но особняк хранит ещё более страшное проклятие. Удастся ли Гарнет его разрушить и спасти родных?

Содержание

1	6
2	14
3	25
4	33
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Дианна К. Салерни

Проклятие дома на Перекрестке

The Carrefour Curse. Dianne K. Salerni

Copyright © 2023 by Dianne K. Salerni

All Rights Reserved

First published by Holiday House Publishing, Inc., New
York

© Кузьменко Е., перевод на русский язык, 2025

© Оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2026

Посвящается Бобу, снова и всегда

1

Цвет: зеленовато-голубой, иногда крапчатый
Магические свойства: дарует физическое и эмоциональное исцеление, крепкое здоровье, большую удачу и успешные путешествия
Для подзарядки: класть под прямые солнечные лучи

Казалось бы, когда тебя тошнит лягушками, это должно напоминать самое жуткое расстройство желудка, которое у тебя когда-либо было, но, на удивление, это совсем на него не похоже. Комок медленно поднимается по твоему пищеводу, забираясь на заднюю стенку горла. Он прыгает тебе на язык, а потом – тьфу – и ты сплёвываешь лягушку.

Тихое, но мерзкое волшебство.

Лягушки, каждая меньше дюйма в длину, пока ещё не успели полностью заполнить тазик у меня на коленях, но, если у меня не получится быстро от них избавиться, они начнут прыгать по всей машине.

– Мам, надо остановиться.

Моя мама бросает на меня дикий взгляд, на миг оторвав

глаза от дороги. В отличие от меня у неё плохо получается сохранять спокойствие, что как-то странно, но, наверное, неплохо, если хоть кто-то его сохраняет.

– Просто выброси их из окна, Гарнет.

– Я так не могу!

– Почему? Они ведь не... – мама не заканчивает фразу. Она не может мне сказать, что лягушки ненастоящие. От галлюцинаций на языке не остается дорожка слизи.

Вот я и задумываюсь – а откуда они берутся? Они просто магически возникают у меня в желудке? Или их крадут из какого-то обычного тихого пруда и помещают в ситуацию, которая, вероятно, столь же неприятна для них, как и для меня? В любом случае я не стану выбрасывать их из окна движущейся машины.

– Ма-а-ам!

– Ладно, ладно! – Она включает поворотники и съезжает на обочину. – Только поскорее. Чем быстрее мы доберемся туда, куда направляемся, тем скорее это закончится. – Даже сейчас она старается не произносить название того места.

Я нажимаю на ручку, чтобы открыть дверь, и вываливаю лягушек на обочину. **Бегите на волю, малыши.** Едва я успеваю закрыть дверь, как мама снова выруливает на дорогу и давит на газ.

– Используй те браслеты, что я тебе дала, – говорит она сквозь крепко стиснутые зубы. – Взывай к силе камней, чтобы контролировать этот феномен и замедлить его.

– Я пытаюсь! – Но браслеты не помогают.

Не сказать чтобы мамин магазин практической магии представлял амулеты специально против лягушачьей чумы. Один из браслетов, которые мама впихнула мне в руки, когда мы в спешке покидали дом, – это обруч из обсидиана и бирюзы, созданный для того, чтобы облегчать тошноту у беременных женщин. Во второй вставлен гелиотроп, отводящий магическую опасность, – но что-то он не остановил это лягушачье проклятие.

Собственно говоря, на подходе ещё одна, скользит по дальней части моего языка. Я сплёвываю лягушку в металлический тазик с хлюпающим бляммс.

Подушечками пальцев я поглаживаю камни в браслетах, умоляя их принести облегчение. К этому времени я уже знаю каждый из них наизусть. Этот продолговатый обсидиан находится рядом с бирюзой, у которой зазубренная кромка. У гелиотропа внизу скол в форме полудуги. Но я чувствую только их физическую форму, а не магию.

Действия ведут к последствиям. Это один из первых уроков магии, который преподала мне мама. И думаю, я сейчас как раз расплачиваюсь за свои действия. Потому что дело не только в том, что браслеты не помогают против моей беды, так я ещё и не слышу и не ощущаю силы камней. Я! Гарнет Карфур!

Мама назвала меня в честь мощного драгоценного камня, и я слушала потайную песню камней сколько себя помню.

Собственно, пока я не пошла в детский сад, я не понимала, что другие люди не могут их слышать. Сегодня же эта тишина меня оглушает. Я вполне уверена, что меня наказывают за то, что я сделала этим утром, но маме я об этом рассказать не могу. Пока мы не доберёмся до Дома-Перекрёстка.

В подставке для стаканов начинает звонить мамин телефон. Я ставлю тазик на колени и проверяю экран.

– Это Холли.

Мама мотает головой, но я всё равно тыкаю в зелёную иконку.

– Привет, Холли. Это Гарнет.

– Привет, милая. Ещё не отпустило?

Милая – это звучит как-то уж слишком фамильярно от того, кого я и в глаза не видала, пусть даже она и кузина моей матери.

– Нет, пока не отпустило.

– Что же ты сделала, Холли? – орёт мама в сторону телефона. – Что, во имя магии земли, вы с Линденом сделали?

– С Гарнет – ничего! – возражает голос Холли. – Мы произнесли небольшое заклятие призыва на тебя. Винди ведь предупреждала тебя, что нам придётся это сделать, если ты не приедешь добровольно.

– Я ваше заклятье заблокировала, и поэтому вы явно наложили что-то на мою дочь. – Ярость в мамином голосе эхом гремит по машине. Я бы точно так же себя чувствовала, если бы считала, что это её кузины виноваты в моих неприятно-

стях, но я думаю, что я сама это с собой сделала ненароком.

– Да мы бы никогда! – восклицает Холли. – И с чего бы нам насылать лягушек? Привези её в Дом-Перекрёсток, и мы поглядим, что можно сделать.

Услышав название дома своего детства, мама морщится.

– Это я и пытаюсь сделать, так что хватит меня отвлекать. – Она выхватывает телефон из моей руки и выключает его.

Дом-Перекрёсток. Несмотря на дурное настроение мамы и противность лягушек, вниз по моей спине бегут мурашки предвкушения.

Я наконец-то еду в фамильный особняк Карфуров, в котором выросла моя мама. Он всегда был для меня всего лишь легендой, местом действия рассказов мамы о её детстве. Я никогда его не видела. Уезжая оттуда, мама не взяла с собой ни одной фотографии – кроме той, на которой они с кузинами лежат у бассейна в купальниках и с прическами в стиле 1990-х. И она всегда отказывалась свозить меня туда. Мама не бывала в Доме-Перекрёстке ещё с тех пор, когда меня и на свете-то не было, и она вовсе не рада, что вернуться в родной дом её вынуждает магический парад извергаемых мною лягушек. До этого она уже проигнорировала несколько намёков, ответила отказом на настойчивую просьбу и попыталась заблокировать призыв приехать в Дом-Перекрёсток.

Намёки, просьбы и угрозы провести призыв – все исходили от Винди, ещё одной кузины Карфур. Несмотря на мамин

но добровольное изгнание из семейного дома, она поддерживала с Винди регулярный контакт. Месяц назад Винди снова начала давить на маму, чтобы та вернулась домой. Сегодня днём у них состоялся разговор на повышенных тонах по видеосвязи, к которому мама подключилась из своей спальни в нашей квартире над магазином. Раз уж она потрудилась закрыть дверь приватности ради, я потрудилась подслушать в щёлочку под дверью.

Любая информация о Доме-Перекрёстке – на вес золота.

Я успела занять позицию как раз вовремя, чтобы услышать, как Винди ставит ультиматум:

– Старик умирает. Он настаивает на том, чтобы вы с Гарнет присоединились к семье прежде, чем это произойдёт.

Я даже не успела понадеяться, что мама может уступить, как та уже резко ответила:

– Я поверю, что он мёртв, когда приеду на его похороны! Сурово!

Винди, должно быть, тоже так подумала, потому что воскликнула:

– Ну в самом деле, Эм! Несмотря ни на что, Джаспер всё-таки твой дедушка.

Теперь понятно, о каком именно старике они говорили. Потому что, насколько мне известно, в Доме-Перекрёстке живет два пожилых Карфура.

– На передаче должны присутствовать все, – продолжала Винди.

– Зачем? Он выберет наследником Линдена. Это всем известно.

Последовала пауза, а потом Винди сказала:

– Может, он выберет меня.

Мама фыркнула.

– Ты поэтому никак не оставишь меня в покое? Чтобы выслужиться перед Джаспером?

– Я звоню, чтобы предупредить тебя. Джаспер требует, чтобы тебя призвали, если не приедешь сама, а Холли с Линденом согласились это сделать.

Реакция мамы, видимо, была написана у неё на лице, потому что я не слышала, чтобы она хоть что-то сказала, но Винди взмолилась:

– У них нет выбора. Ты не должна их винить.

– Я буду винить того, кого захочу. – На этом мама захлопнула ноутбук, а я отползла на попе от её двери, перевернулась на колени, добравшись до ковра гостиной, и перемахнула через спинку дивана перед телевизором. Когда мама вышла из спальни, лицо у неё было злое, но злилась она вроде бы не на меня. – Гарнет, принеси из магазина пару красных свечей.

Притвориться, что я всё это время смотрела телик, а не подслушивала, было легко – ведь я на самом деле была сбита с толку.

– Красных свечей?

Белые свечи – для защиты. Красные же для... ну... битвы.

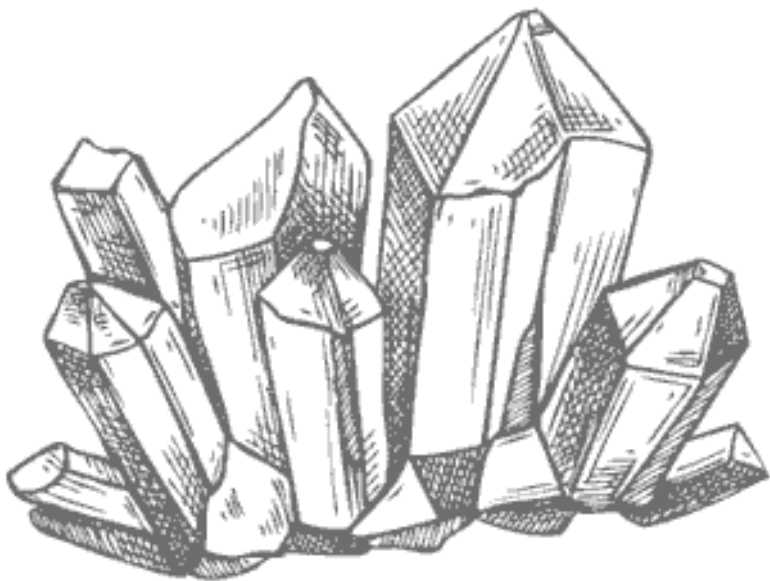
– Красных! – отрезала мама. – И поживее!

Теперь – несколько часов спустя, – пока я выплёвываю лягушек, а наша машина мчится по тёмным дорогам Новой Англии в сторону Дома-Перекрёстка, мама бормочет себе под нос:

– Должно было сработать. Мой щит должен был отразить их призыв.

Действия ведут к последствиям.

Я сплёвываю ещё одну лягушку в тазик и не признаюсь в том, что сделала.

2

Цвет: бледно-белый, голубой, зелёный или розовый

Магические свойства: снижает страх перед встречами с новыми людьми, убирает негативную энергетику из комнаты

Для подзарядки: класть на чистую салфетку под непрямой солнечный свет

Когда мама останавливает машину в конце мучительного спуска по ухабистой грунтовке, небо уже тёмное, как чернила. Над нами нависает Дом-Перекрёсток, его массивные очертания темнеют на фоне густо-синего неба и разрываются только ярко освещёнными окнами фасада. Я пытаюсь открыть дверцу машины, отчаянно желая скорее войти в дом, если это положит конец моему проклятию.

Я говорила, что я спокойнее мамы? Больше нет. Горло у меня болит, а желудок продолжает бунтовать, хотя с каждым рвотным позывом не выходит ничего, кроме лягушек. И последние полтора часа стискивала браслеты, нащёптывая слова заклинания.

– Я взываю к силе обсидиана и духовной энергии бирюзы: исцелите меня. Прекрасный, пятнистый, щедрый гелиотроп, сними это проклятие!

Вопреки тому, что думают люди, в реальной магии нет ритма. Никакого «Жарко, жарко, пламя ярко!» (Прости, Шекспир.) Магия лучше всего работает тогда, когда ты чётко говоришь элементам своего заклятья, чего ты от них хочешь. Лесть тоже помогает. Но сегодня такое ощущение, что я с тем же успехом могла бы задуть свечи на именинном торте, загадывая исполнение желания.

Сегодня я послушалась маму, потому что хотела попасть в Дом-Перекрёсток. И да, я знала, что мои действия сделают меня мишенью. Но оказаться отрезанной от своей магии? На такое я не рассчитывала.

Поначалу это ощущалось как онемение в руке после того, как случайно проспичь на ней всю ночь. Но это проходит. Это ощущение не расплзается по всему телу так, как потеря магии расплзлась по моему. Змеясь по рукам и ногам и впитываясь в ладони и ступни, словно яд. Что, если это чувство – магия – никогда не вернётся? Что, если я, сама того не осознавая, принесла её в жертву, когда совершила свой акт мелкого бунта?

Я не могу заставить свои руки управиться с дверью машины, но кто-то снаружи дергает её и открывает для меня. Я вываливаюсь наружу, роняя свой тазик с лягушками, и меня тут же ловят двое мужчин.

– Осторожнее с ней! – кричит мама.

– Конечно, Эм! – бросает в ответ один из них. Подхватив меня под мышки, мужчины приподнимают меня над землёй и тащат вверх по пролёту бетонных ступенек.

Наверху, придерживая парадную дверь, стоит женщина со смуглой, покрытой морщинами кожей и серыми, как сталь, волосами.

– Так значит, это – дитя Эмеральд, – говорит она, хмурясь, как будто она не уверена, что ей нравится то, что она видит.

Меня тошнит каскадом лягушек прямо на порог.

– Что ж! – Женщина отходит в сторонку, чтобы меня могли занести в дом. – Вижу, тяжесть её состояния не преувеличили!

Мужчины буксируют меня в комнату, забитую людьми. Я, конечно, хотела познакомиться с родственниками, но не так же! Мой желудок сжимается, когда ещё один комок лягушачьей плоти проталкивается вверх по пищеводу.

Мама врывается в комнату следом за мной.

– Мы сделали то, чего вы хотели. Мы здесь! Почему ей становится хуже?

– Эм, мы этого не делали! – Пухлая женщина с розовыми щеками и пышными светло-рыжими кудряшками кладёт древнюю на вид книгу в кожаном переплёте на большой деревянный стол. – Несите её сюда!

Мужчины плюхают меня на стул и подтаскивают его к столу. Я перегибаюсь через подлокотник и чудом не попадаю

кому-то на туфлю, вываливая очередной поток лягушек. Люди тут же пятятся, хотя и продолжают стоять полукругом по ту сторону стола, разглядывая меня, будто я малость омерзительный экспонат в зоопарке.

– Капец, как ужасно, – говорит девочка-подросток с тёмными, торчащими во все стороны волосами и кольцом в носу.

Уж мне ли не знать.

Женщина с буйными кудряшками рывком раскрывает книгу. Я жду, что поднимется облако пыли, но гигантский том безупречно чист. Возможно, даже волшебно чист.

Это, должно быть, Семейная Книга. В ней записи обо всех Карфурах аж с 1700-х годов. Более того, это контракт, который привязывает новых Карфуров к семейной магии. Я слышала об этом от мамы, но впервые вижу саму книгу. Женщина листает страницы, пока не находит то, что ищет: семейное древо, включающее в себя шесть поколений, разросшееся от первого Линдена Карфура, человека, построившего Дом-Перекрёсток.

– Милая, – говорит, обращаясь ко мне, женщина, тем самым подтверждая мою догадку: это Холли. – Мне нужно, чтобы ты вписала своё имя в книгу. Я уже подготовила для тебя место.

Я беру ручку, которую она протягивает, и еле удерживаю её бесчувственными пальцами. Мне едва удастся держать руку на весу, пока я вписываю своё имя. Не лучший образец

моего почерка, но все другие имена написаны детской рукой – включая имена тех людей, которые теперь уже взрослые. Они, видимо, вписались сюда в куда более раннем возрасте, чем я.

Закончив шаткой буквой «т», я выпускаю ручку. И тут же ещё один лягушачий комок заявляет о себе на дне моего пищевода. Почему моя подпись в Фамильной Книге не остановила чуму?

– И ещё кое-что, моя радость. – Холли берёт мою руку, переворачивает её и, движением столь быстрым, что за ним не уследить, прокалывает кончик моего пальца булавкой.

– Ой! – возмущаюсь я, но Холли прижимает мой палец – и бусинку крови – к пергаментной странице книги.

Теперь понятно, почему возле всех имён на семейном древе эти коричневые пятна.

Алая капелька моей крови секунду сохраняет форму, а затем впитывается в волокна бумаги, слишком свежая и красная, чтобы походить на остальные.

Вписав своё имя в Фамильную Книгу, ты заключаешь контракт с источником нашей фамильной магии. Так говорила мне мама. Но тебе не обязательно подписывать Книгу, чтобы пользоваться магией. Ты Карфур, и магия будет подчиняться тебе в любом случае.

Вместо того чтобы привезти меня в Дом-Перекрёсток, когда я была ещё маленькой, мама учила меня магии сама. Мы вместе управляли нашим магазинчиком, заполненным

драгоценными камнями, вставленными в амулеты, свечами, травами и другими магическими компонентами. Нам повезло, что жители нашего городка в основном придерживались открытых взглядов; больше половины населения считало, что наши магические товары – это лишь для забавы и туристов, примерно тридцать процентов были нашими верными покупателями, и лишь горстка людей никогда не позволяла своим детям приходить ко мне на день рождения, потому что, ну вы знаете, «ведьмы». Но мама всегда говорила, что никакие мы не ведьмы, и не викканки, да и вообще нет такого слова, которое бы нас описывало... ну разве что Карфуры.

Пусть даже я и не обучалась магии в фамильном особняке, я никогда не ощущала, что мне чего-то не хватает, куда могла работать с камнями и не пробовала себя с другими элементами земли. Ну то есть до этого вечера. Когда я начала плевать лягушками и всякое ощущение магии земли исчезло.

Кровь возле моего имени высыхает, и мир вдруг приходит в движение. Кончики моих пальцев покалывает, когда к ним возвращается чувствительность, а в глубине уха раздаётся хлопок. Как будто какая-то магическая пробка растворяется, и я снова могу слышать камни, которые у меня на запястье. Обсидиан и бирюза напевают свои песни исцеления и здоровья, а гелиотроп мурлычет обещаниями защиты.

Моя магия! Я не потеряла её из-за своей глупости!

Что не менее важно: лягушка, упорно пробирающаяся

вверх по моему горлу, исчезла.

– Видишь? – говорит женщина с седыми волосами. – На вид ей уже лучше.

– Гарнет? – с нажимом спрашивает меня мама, не веря никому на слово.

– Кажется, всё позади, мам.

Люди в комнате одновременно раздражаются восклицаниями. Я слишком стесняюсь, чтобы произносить сильные заклинания или воздавать хвалы камням, но всё же подношу браслеты к лицу и прижимаю их к щекам.

– Защитите меня, – шепчу я.

Они не отвечают мне словами буквально, но я ощущаю общий смысл того, что они хотят мне сказать: **«Мы стараемся. Мы всё это время старались»**. По моим конечностям разливается тепло.

Опустив руки, я оглядываюсь по сторонам. Не могу решить, на что мне стоит обратить внимание в первую очередь: на родственников-Карфуров, которых я вижу первый раз в жизни, или на сам дом, но в итоге дом побеждает. Я знаю (или могу догадаться), кто все эти люди. А вот Дом-Перекрёсток всегда был для меня загадкой.

Эта комната – библиотека, помещение, целиком и полностью посвящённое книгам, совсем как на игровой доске Клуэдо. Здесь книжные полки от пола до потолка, забиты книгами, стоящими вертикально, лежащими горизонтально стопочками и впихнутыми диагонально. В одной стене есть ка-

мин, по сторонам от которого висят две высокие картины маслом. Ещё есть арочный проём, который, похоже, должен вести в другую комнату, но арка занавешена шторой, а из-под ткани проглядывает кирпич. Мама рассказывала мне истории о том, как росла в Доме-Перекрёстке с братом и кузинами, и одна из них закончилась трагедией. Кажется, я знаю, куда прежде вёл этот проход. Содрогнувшись, я снова тянусь к амулету с гелиотропом. **Защити меня.**

– Гарнет продрогла, – объявляет Холли всё ещё галдящим родственникам, не так истолковав мою реакцию. – Эш, принеси своей кухне чашку чая. Мой бленд с ромашкой, лавровым листом и лавандой. А собственно, и для Эмеральд чашечку тоже принеси.

Она обращается к мальчику примерно моего возраста с рыжеватыми кудряшками в очках. Он кивает и спешит прочь из комнаты.

Затем Холли поворачивается к моей маме.

– Тебе нужно присесть. Ты вся дрожишь.

Мама качает головой.

– Я уже насиделась в машине. – Три часа. Сто восемьдесят минут полного лягушек веселья. – Чай для Гарнет мы возьмём с собой. Я не останусь в этом доме ни минутой дольше, чем это необходимо.

– Эмеральд. – Женщина, которая сейчас выходит вперёд, знакома мне по видеозвонкам. Винди. Черноволосая, златокожая и зеленоглазая, сегодня одетая в модный свитер до ко-

лен, леггинсы и ботинки. – Не мели ерунды. Ну конечно же вы должны остаться на ночь. Ты совсем вымоталась.

– Ты въедешь напрямиком в дерево, – говорит один из мужчин. Кое-кто ахает от ужаса, и он напрягается, словно готовясь оправдываться. – И я не боюсь это сказать. – У этого парня такие же рыжеватые волосы, как у Холли с Эшем, и большие квадратные очки, которые на вид пришли напрямиком из восьмидесятых. Я решаю, что это брат Холли, Линден, которого назвали в честь основателя Дома-Перекрёстка.

Вот вам секрет: Линден – это популярное имя в моей семье. Из тех троих Линденов, чьи имена я заметила на странице Фамильной Книги, двое сейчас наверняка присутствуют. А если считать фигуру на масляном портрете у камина – том, где изображен мужчина в старомодном костюме и с огромным синим драгоценным камнем на безымянном пальце, – полагаю, все три Линдена находятся в этой комнате.

Холли вскидывает руки.

– Могу ли я попросить всех, кому не обязательно сейчас здесь быть, выйти, чтобы мы с Эм могли всё обговорить?

Да, пожалуйста. Здесь слишком много Карфуров за раз.

Седоволосая женщина выходит, хмыкнув, бормоча, что она «даст знать Джасперу», и мужчина, который нёс меня от машины, уходит вместе с ней. Девочка с торчащими чёрными волосами идёт следом, печатая что-то в своём телефоне, как будто у неё и так есть более интересные дела. Последним выходит мальчик-подросток, у которого кожа цвета дымча-

того кварца и тугие кудряшки янтарного цвета, по пути он аккуратно подбирает лягушек с порога.

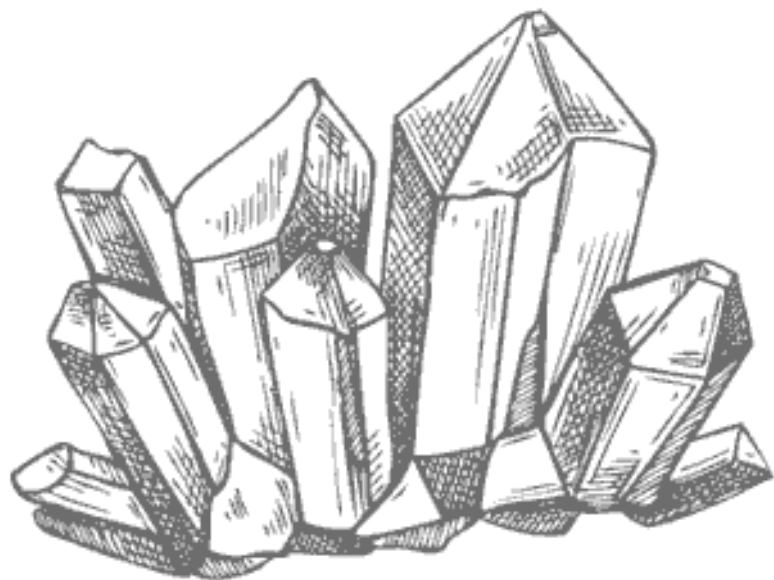
Холли, Винди и Линден остаются. Мама хмуро глядит на всех троих.

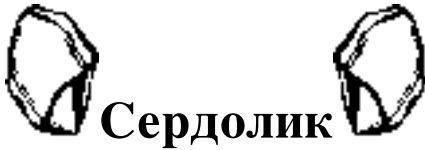
– Вы знали, что я не хотела приезжать. Вы знаете, как опасно Гарнет здесь находиться. Но всё равно произнесли призывающее заклятие. А когда мой щит заблокировал призыв, вы сотворили что-то ещё, выбрав целью мою дочь!

– Неправда! – протестует Холли, раздраженно топя ногой. – То, что случилось с Гарнет, – не наша вина!

Это уже слишком затянулось. Мамино возвращение домой обернулось катастрофой, она злится не на тех людей, так что мне уже пора признаться. Когда вокруг уже нет толпы, это кажется более выполнимым. Я прочищаю покрытое слизью горло, которое будто бы разом пересохло.

– Это моя вина, – сипло выдавливаю я. – Я хотела приехать, поэтому подорвала твой щит, мам.

Цвет: коричневато-красный, от бледно-оранжевого до почти чёрного

Магические свойства: сглаживает новые начала, умиряет нрав

Для подзарядки: окунать в теплую воду

Н-да. И думаю, именно поэтому я сегодня и потеряла способность пользоваться магией. Камни перестали петь для меня, потому что я сознательно пригласила в дом врага.

Действия ведут к последствиям.

Но, скажу в своё оправдание, это ведь был не всамделишный враг. Это наша семья! Семья, которую мне никогда не разрешали узнать. Мама выросла в доме, полном родни: брат, кузины, тети, дяди, бабушки и дедушки... а у меня была мама. Только мама. И тень всех, кто мог бы быть частью моей жизни.

Мой саботаж был простым, потому что и мамин щит был прост по своей структуре. Как и большинство хороших заклятий. Она взяла красные свечи, которые я принесла из магазина, и поставила их на кухонный стол между двумя руч-

ными зеркальцами. Когда она подожгла фитили, огоньки отразились в зеркалах и отражениях зеркал внутри зеркал, создавая нескончаемый парад красных свечей.

Мама сфокусировала свой взгляд на бесконечном пламени.

– Следите, чтобы никто не вторгся, – прошептала она. – Захватите его, плените его, не выпускайте. – Она наклонила голову, словно прислушиваясь к пламени, к свечам, или, быть может, и тому и другому, а затем кивнула, довольная. С камнями мама управляется лучше всего, но, в отличие от меня, иногда она слышит и другие элементы.

Это был прочный, эффектный щит. Пока она не ушла, а я не пододвинула одно из зеркал, из-за чего прямая линия в отражениях разорвалась.

– Почему? – восклицает теперь мама.

– Потому что это твой дом и твоя семья, а ты никогда меня сюда не привозила!

– Ты знаешь причину!

– Нет, не знаю! Я только знаю, что есть какое-то предзнаменование, – признаюсь я, показывая пальцем на Винди (это, конечно, грубо, но мне всё равно). – Она произнесла какое-то пророчество ещё до моего рождения, из-за чего ты уехала и никогда не возвращалась, но ты отказываешься говорить мне, что там было. Почему этот дом для меня опасен? Мне наковальня на голову свалится или что?

Винди, как мы с мамой и все остальные в семействе Кар-

фуров, владеет магией земли. Её любимые элементы – это вода и воздух, в то время как мы с мамой предпочитаем камни. Но у Винди есть и ещё один талант – прорицание. Предположительно, когда мама поняла, что у неё будет ребенок, она попросила Винди сделать предсказание, вроде как погадать. Но как только Винди выдала пророчество, мама тут же собрала чемоданы и сбежала из фамильного особняка.

Так что – да. Нарушив мамины охранные чары, я не только с распростёртыми объятиями встретила заклятие призыва, но ещё и дала предсказанию шанс добраться до меня. Ещё одна причина, по которой моя магия срикошетила и наказала меня вот таким вот образом. Но если бы у вас над головой висело ужасающее пророчество, вы бы разве не захотели узнать, в чём оно заключается? Не захотели бы получить шанс как-то выступить против него?

– Никаких наковален, – заверяет меня Винди. – Ты в полной безопасности внутри этого дома...

– Ты этого не знаешь! – огрызается мама.

– Эм, – раздражённым тоном говорит Винди. – А тебе не приходило в голову, что если вы покинете нашу землю, то Гарнет снова может стать нехорошо?

– Что? – Немногие краски, что ещё оставались на лице моей мамы, отливают от него. Она падает в ближайшее кресло. – Вы и правда с ней это сделаете?

– Нет! – Холли бьёт ладонью по столу, напугав своего сына, Эша, который как раз входит с двумя кружками чая. Она

кивает ему, и он ставит одну передо мной, прежде чем отнести вторую моей маме. – Ты меня не слушаешь. Мы этого с Гарнет не делали! Призыв, который мы с Линденом провели, был идеей фикс, настолько мягкий, насколько возможно, и был направлен только на тебя.

Я хватаю кружку, чтобы смыть привкус лягушек и рвоты. Мама с тоской смотрит на свой чай, но не пьёт его.

– Тогда, видимо, это наслал Джаспер.

Линден качает головой.

– Джаспер болен и слаб. Ему хуже день ото дня.

Мама вскидывает глаза.

– Мы так и в 1998-м думали, и погляди, что из этого вышло.

Мой взгляд вновь смещается на ту заложенную кирпичом арку. Я знаю, что случилось в 1998-м, но понятия не имею, как это связано с болезнью прадедушки Джаспера.

– Моя мать была с Джаспером практически весь вечер, – заявляет Винди. – У него не было возможности сотворить сложные чары. Твой дядя Флинт считает, что это старая, глубинная магия Карфуоров, поэтому мы и держали Семейную Книгу наготове, когда вы приехали. Гарнет её подписала. Её симптомы улеглись. Очевидно же, что эти события взаимосвязаны.

– В каком это смысле «старая, глубинная магия Карфуоров»? – Мамины руки дрожат, когда она всё же тянется за кружкой особого отвара Холли, и я расцениваю это как

капитуляцию. Холли работает с растениями, так же как мама – с камнями, а Винди – с воздухом и водой. Я уже чувствую себя спокойнее, попив этого чая, и готова поспорить, что он довольно-таки быстро нас усыпит.

По крайней мере, мы останемся на ночь. Уже победа.

– Мы этого тоже не понимаем, – признаётся Холли. – Флинт последние недели не в себе. Я бы решила, что он мелет чепуху, если бы он не показался таким здравомыслящим, когда мы разбудили его этим вечером и рассказали, что Гарнет в беде. Он заставил нас вытащить старые книги и записи и попросил Эша прочесть их ему. Флинт припоминал какой-то отрывок, который, по его мнению, мог относиться к данной ситуации, но нам пришлось перерывать целую кучу документов, прежде чем мы его нашли. Где там это было?

Наши глаза обращаются к Эшу, и мальчик вздрагивает, словно вдруг оказавшись в свете софитов. Его щёки заливают румянец, и он смотрит налево и направо, будто бы в поисках пути к отступлению, прежде чем, запинаясь, вымолвить:

– Эм-м... Мы – мы нашли его в дневнике, годов, типа, 1700-х. Почерк было не так-то легко расшифровать, да и орфография была странная, но там говорилось о том, как Карфуров призывали домой. Одни приезжали добровольно, а других вынуждали приехать поветрия и чума. Вот эту вот фразу Флинт и вспомнил. Поветрия и чума. Флинт решил, что лягушек вполне можно считать поветрием, и сказал, что, может быть, раз Джаспер умирает, очень важно, чтобы Гар-

нет приехала домой и подписала книгу.

– Но кто наложил заклятие? – спрашиваю я.

– Никто. – Эш моргает, глядя на нас из-за своих очков. – Это просто... случилось.

– И что это значит? – требует ответа мама. – Что магия Карфуров действует сама по себе? Заклятие, которое никто не накладывал? Такое вообще случалось раньше?

– Согласно тому дневнику, – говорит Холли, – по меньшей мере один раз.

Я провожу пальцами по амулету с гелиотропом и искоса гляжу на Семейную Книгу. Я хотела, чтобы моё имя оказалось в ней, с тех самых пор, как узнала о её существовании. Но теперь, когда дело сделано ценой трехчасового рыгания лягушками, какова же моя награда?

Я вновь обвожу глазами великолепную библиотеку Дома-Перекрёстка и замечаю, что она... не такая уж и великолепная. Книжные полки на вид пыльные. Кожаные кресла у камина потрескавшиеся и потёртые. Потолок покрыт то ли плесенью, то ли пятнами сырости.

– А я ведь предупреждал тебя, что её нужно вписать в книгу, – говорит Линден моей маме. – Я тебе это много лет назад говорил.

Мама хмурится.

– А я тебе сказала привезти книгу ко мне, чтобы Гарнет могла смочить своей кровью её страницы.

– Привезти к тебе? Семейная Книга никогда не покидает

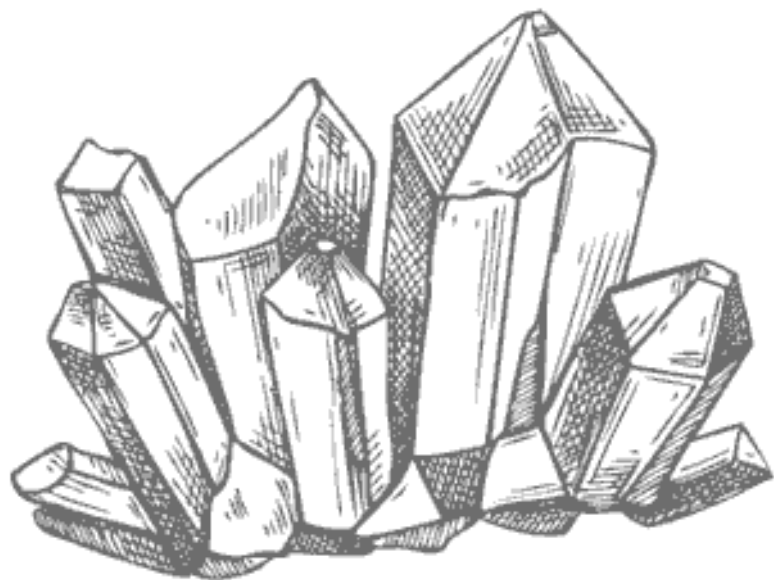
дом! – У Линдена такой вид, будто мама предложила ему отодрать половицы и отправить их ей курьерской службой.

Винди нежно кладёт руку маме на плечо.

– Оставайтесь на ночь. Давай разберёмся с этим утром и поглядим, будет ли для Гарнет безопасно уехать.

– Да разве у меня есть выбор? – горько спрашивает мама. Я почти жду, что она сейчас скинет с плеча успокаивающую ладонь Винди, но она вместо того поворачивается ко мне. – Полагаю, ты получила то, что хотела.

Я готова к её гневу. Давно готова. Но то, что я вижу в её лице, – не гнев. Это неприкрытый, откровенный страх, а это во сто раз хуже, чем три часа лягушек.

4

Цвет: множество различных цветов и узоров
Магические свойства: направляет магическую
энергию для стабилизации тела и разума
Для подзарядки: промывать в чуть теплой
проточной воде

Чувство вины – это верный способ не получить наслаждение от своей победы. Я уныло топаю вверх по лестнице на второй этаж Дома-Перекрыстка вслед за мамой. Провести здесь ночь – всё равно не такая уж большая и победа, потому что мама клянётся, что мы уедем ещё до завтрака.

Сегодня мы одолжим спальню у того мальчика-подростка, который благополучно вынес извергнутых мной лягушек на улицу. Он представляется, пока ведёт нас наверх.

– Я Линден, но все зовут меня ЭлДжей, чтобы не путать с отцом.

Мама улыбается ему, и это её первая улыбка с момента нашего прибытия.

– А я с тобой нянчилась, когда ты ещё ходить не умел.

– Простите, но я этого не помню, кузина Эмеральд, – се-

рьёзно отвечает мальчик.

Я тщательно прислушиваюсь, пытаюсь отыскать сарказм, но различаю одну лишь искренность.

ЭлДжей берёт кое-что из своей комнаты и желает нам спокойной ночи куда как более жизнерадостно, чем сделала бы это я, если бы меня вышвырнули из моей спальни. Его комната размером примерно с мою собственную, здесь всего одно узкое окно. Стены украшены фотографиями спортсменов и мотивационными постерами со всякими вдохновляющими цитатами. Простыни свежестыренные, хотя мне так сильно хочется спать, что без разницы. Мне кажется, что я должна бы испытывать голод, но обсидиан и бирюза при содействии чая Холли так успокоили мой желудок, что я не хочу его тревожить.

Винди приносит одежду, которую мы можем одолжить. Пока мы переодеваемся, мама говорит:

– Тебе нельзя выходить ночью из комнаты.

Вина, конечно, на месте, но и гордость никуда не девалась.

– Мам, но в туалет же мне можно. Он, типа, в каких-то трёх метрах.

– В туалет – но не дальше. – Мама звучит измождённой. – Прошу тебя, Гарнет. Хоть раз сделай то, о чём я прошу, не споря.

– Я не понимаю, почему ты не хочешь рассказать мне, что было в том пророчестве Винди.

– Потому что, – отрезает она. – У слов. Есть. Сила.

Она имеет в виду, что, произнося что-то вслух, можно это на себя навлечь. Это звучит как суеверие... вот только я лишь совсем недавно перестала срыгивать лягушек.

Чай Холли усыпляет меня, как только моя голова касается подушки, и держит меня во власти сна без сновидений несколько часов. Но он также служит причиной того, что мне посреди ночи требуется сходить в туалет. Стараясь не разбудить маму, я выползаю из кровати, пробираюсь по незнакомой комнате и открываю дверь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.